

Е.В. БОБЫРЕВА
(Волгоград)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается эмоциональность как неотъемлемый компонент религиозного дискурса. Описаны такие типы участников религиозного дискурса, как интуитивный дилетант, рефлексующий дилетант, рефлексующий практик, рефлексующий теоретик, компетентный теолог.

Ключевые слова: религиозный дискурс, коммуникативная компетенция, уровень коммуникативной компетенции, эмоция, эмоциональный настрой, эмоциональное поле.

В речи и тексте за каждым словом скрывается определенный эмоциональный посыл. Эмоции окрашивают текст, придают ему дополнительный смысл, а иногда и полностью меняют смысл сообщения. Само понимание начинается уже на уровне эмоций – в начале любого процесса восприятия имеет место соответствующая реакция на ситуацию и эмоциональное состояние партнера, и только затем происходит декодирование смысла на когнитивном уровне. Данное положение передает внутреннюю сущность религиозного дискурса, в основе которого лежит эмоциональное переживание чуда, и, таким образом, даже отдельные текстовые фрагменты представляют собой передачу эмоций в чистом виде – раскаяние (компонент исповеди), мольба (ядро молитвы) и т.п. В процессе любого общения понимаются во многом не слова, а то, что стоит за ними, – коммуникативная личность с ее эмоциями. При этом разный эмоциональный настрой коммуникантов может привести к разной точности понимания, а в ряде случаев – к непониманию и невозможности дальнейшего продолжения общения.

В процессе коммуникации имеет место изменение эмоционального поля коммуникативных партнеров, определенное эмоциональное взаимовлияние. При этом асимметричные эмо-

ции могут представлять собой субъективный фактор коммуникативного барьера. Е.В. Руденский указывает, что существует ряд эмоций, которые являются отрицательно устойчивыми и создают тем самым коммуникативный барьер, среди них – страдание, гнев, отвращение, страх, плохое настроение [4].

Эмоциональность представляет собой одну из важных черт религиозного дискурса. Эмотивная функция выступает одной из ведущих в религиозной коммуникации. Это обусловлено тем, что вера, являющаяся обязательным компонентом любой религии, представляет собой не рациональную, а эмоциональную сущность. И, следовательно, без выражения, передачи эмоционального компонента (как со знаком «плюс», так и со знаком «минус») невозможно само существование религиозного дискурса. Основной чертой религиозного дискурса является значительное снижение степени рациональности и увеличение степени эмоциональности.

Эмоциональное поле религиозного дискурса нам представляется возможным разделить на два блока – 1) положительно окрашенные и 2) отрицательно окрашенные эмоции. К первой группе можно отнести переживание счастья, радости, умиротворения, тогда как во вторую группу входят страх, страдание, обида (гнев), уныние и т.п. Определенная стадия формирования и развития коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе (интуитивный дилетант – рефлексующий дилетант – рефлексующий практик – рефлексующий теоретик – компетентный теолог) окрашена той или иной эмоцией, имеет определенную эмоциональную тональность. Не секрет, что человек зачастую обращается к Богу, находясь в подавленном эмоциональном состоянии. По мнению В.И. Карасика, одна из целей религиозного дискурса – получить поддержку Бога [2]. Приходя к Богу в предельном эмоциональном состоянии (уныние, страдание, страх), цель, намерение и желание человека – изменить подобное состояние через прикосновение, приобщение к Богу и вере. Таким образом, вектор эмоциональной направленности почти всегда будет иметь вид следующей формулы: $(-) + (+) = (+)$. Однако в целом характе-

ристика эмоциональной тональности общения будет во многом зависеть от типа общения и взаимоотношений коммуникантов.

I. Общение, адресантом которого выступает лицо, имеющее более высокий статус в религиозном коммуникативном поле, более продвинутое в приобщении к вере. Это может быть участник, которого мы условно обозначим терминами *компетентный теолог, рефлексизирующий теоретик или рефлексизирующий практик*. В любом случае вера у такого человека уже настолько сильна, что может оказывать положительное влияние на окружение и окружающих. Процесс такой коммуникации может быть представлен следующим образом: $(+) + (+) = (+)$ или $(+) + (-) = (+)$. Другими словами, под влиянием веры и сильного эмоционального поля (подъема) адресанта эмоциональный настрой адресата, партнера по коммуникации (даже изначально негативный, резко отрицательный), меняется на положительный (например, во время проповеди, литургии и т.п.). Либо, если у адресата до вступления в общение уже был положительный эмоциональный настрой, положительное эмоциональное поле может значительно усилиться, укрепиться и расшириться (исповедь).

II. Общение, адресантом которого выступает лицо, имеющее более низкий (согласно шкале коммуникативной компетентности) статус. В данном случае развитие процесса общения и изменение эмоционального фона в ходе процесса религиозной коммуникации может осуществляться в нескольких направлениях: $(+) + (+) = (+)$; $(-) + (+) = (+)$ или $(-) + (+) = (-)$.

В том случае, если общий эмоциональный настрой коммуниканта был положительным до вступления в процесс религиозной коммуникации, положительная тональность может сохраниться. А вот в случае, если первоначальный эмоциональный настрой имел отрицательный вектор, отрицательная тональность может как сохраниться (если человек не получает того, что ожидал от общения в религиозной сфере – понимания, поддержки, сочувствия), так и изменять вектор, становясь положительной (что позволяет говорить о достижении конкретных целей религиозного общения).

Итак, имея первоначальный негативный эмоциональный настрой при вступлении в общение, адресант может либо изменить его, если сила веры, воздействие адресата и его умение привлечь коммуниканта на свою сторону окажутся действенными: $(-) + (+) = (+)$. Его эмоциональный настрой может остаться

неизменным: $(-) + (+) = (-)$, и в таком случае можно говорить о том, что адресант либо эмоционально не готов принять веру, либо в процессе коммуникации не затронуты нужные струны его души. Кстати, в религиозной сфере будут до определенной степени по-иному смещены акценты успешности коммуникации. Несмотря на то, что участники общения могут общаться вполне успешно, так сказать, на «рациональном» уровне, их идеологические позиции остаются различными в силу того, что у них нет общности эмоциональной, духовной. Следовательно, рассматривая такую коммуникацию в терминах религии, представляется возможным говорить о ее неуспешности. Кроме того, общий эмоциональный фон (настрой) может сохранить и прежний положительный вектор – $(+) + (+) = (+)$.

III. При общении коммуникантов, равных в статусном отношении, многое может зависеть от степени воцерковления (степени приобщенности человека к религии, вере). Человек, находящийся на стадии интуитивного и рефлексизирующего дилетанта, может легко изменить свой эмоциональный настрой при наличии у адресата более мощного эмоционального потенциала: $(-) + (+) = (+)$; $(+) + (-) = (-)$. Тогда как рефлексизирующий теоретик, рефлексизирующий практик, а тем более компетентный теолог (более высокий уровень коммуникативной компетенции) либо сохранит тот же положительный эмоциональный фон $(+) + (+) = (+)$, либо улучшит свой эмоциональный настрой: $(-) + (+) = (+)$.

Таким образом, в большинстве случаев в процессе религиозной коммуникации эмоциональный настрой коммуниканта изменяется, принимая положительную направленность, что определяется глобальными целями религиозного дискурса – приобщиться к вере и получить поддержку Бога.

Вера представляет собой уникальный феномен, способный во многом изменить жизнь человека, а следовательно, и его эмоциональный настрой. Ощущая себя частью божественного мира, полагаясь на Бога, человек, как правило, отходит от крайних эмоциональных состояний, свойственных человеку неверующему в сложных жизненных ситуациях, – уныния, обиды, страха и т.п. Представляется возможным говорить о том, что по мере развития и совершенствования коммуникативной компетенции в рамках религиозного дискурса изменению подвержены не только коммуникативные навыки, но и внутренняя эмоциональная сфера личности. Отрицательные эмоции –

страх, уныние, обида, гнев, страдание – чаще всего проявляются у коммуниканта, имеющего довольно низкий уровень коммуникативной компетенции в рамках религиозного дискурса (рефлексирующий дилетант, рефлексирующий практик); такие эмоции могут быть свойственны и интуитивному дилетанту, случайно или впервые попавшему в религиозную коммуникативную среду. Тогда как у коммуниканта с более высоким уровнем коммуникативной компетенции мы можем наблюдать наличие положительно окрашенных эмоций – ощущение радости, счастья, умиротворения, любви и т.п. Эмоциональный настрой, таким образом, имеет очень большое значение в религиозной коммуникации, поскольку не просто передает внутренние мироощущения человека, но и до определенной степени отражает уровень коммуникативной компетенции личности.

Представляется интересным рассмотреть следующие эмоциональные состояния коммуниканта, имеющие место в религиозной коммуникации и так или иначе влияющие на ее развитие: *обида (гнев), страдание, уныние, страх, радость, счастье, любовь, умиротворение* (мы расположили эмоции в определенном порядке, отражающем вектор изменения эмоционального фона – от отрицательного к положительному). Связь развития коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе и превалирования определенных эмоций самая непосредственная. По мере того как человек «входит» в религиозный дискурс и формируется его коммуникативная компетенция, укрепляется его вера, и общий эмоциональный фон значительно улучшается. Таким образом, каждой стадии развития коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе соответствует (в той или иной степени) определенное эмоциональное состояние коммуниканта. Рассмотрим некоторые из наиболее характерных эмоциональных состояний.

Страдание. Настоящая жизнь человека во всех мировых религиях рассматривается не иначе как страдание, а вернее цепочка страданий, через которые должен пройти человек для достижения высшей цели для любого верующего – обретения высшего вечного блаженства. Страдание есть высшая сущность бытия, оно рассматривается как всеобщая формула нынешней жизни человека. Вся жизнь представляется цепочкой страданий, только преодолев которые можно достичь высшего блаженства. Согласно христианской философии, все живущее болеет и страдает, сама жизнь

есть только боль и страдание. Христианское вероучение разделяет страдание на благостное, светлое, искупляющее (которое в дальнейшем позволит человеку возродиться к лучшей жизни) и страдание темное, или адское (страдание за грехи, которое ведет к смерти). Однако все ниспосланные человеку страдания рассматриваются как очищающие, возрождающие и поднимающие личность над грешным миром. Постулат «Жизнь – есть страдание» выступает и первым принципом в философии буддизма, первой истиной Будды. В отличие от христианства, буддизм движим идеей преодоления личного страдания каждого человека. Поскольку страдания человеку доставляет внешний мир, нужно отказаться от него, чтобы найти себя, а затем и отказаться от индивидуального «я», чтобы обрести высшую истину. Эту идею описывает буддистская триада: *аничча (изменение) – дункха (страдание, происходящее от изменения) – анатман (истинная душа, сливающаяся с неизменной природой Будды): Из привязанности рождается печаль, из привязанности рождается страх; у того, кто освободился от привязанности, нет печали, откуда страх?* (буддизм). Согласно философии буддизма, страдание – это состояние бессознательности; мы несчастны, потому что не осознаем, что делаем, что думаем, что чувствуем. Буддизм, в отличие от христианства, учит не как выстоять, перенести, преодолеть страдание или как его избежать, а как стать к нему «нечувствительным», отрешившись от всех человеческих страстей и эмоций.

В любом случае эмоционально-волевое состояние, классифицируемое как страдание, может быть присуще любому человеку, с той разницей, что для человека верующего (с различной степенью причастности к религии и погруженности в веру) страдание есть осознанный путь к спасению, его не представляется возможным избежать, а потому человек и не пытается его избежать, с ним приходится просто смириться. Именно поэтому страдание может быть положительно эмоционально окрашено в религиозной коммуникации. Для человека же, чья вера не достаточно прочна, а также при отсутствии веры у человека страдание, безусловно, означает преодоление физического и морального напряжения.

Отрицательно окрашенное состояние страдания присуще коммуникантам, которые в рамках религиозного дискурса могут быть определены как интуитивные и рефлексирующие дилетанты; положительную эмоциональ-

ную окраску страдание начинает приобретать у коммуникантов с более высоким уровнем коммуникативной компетенции – рефлексизирующего теоретика, рефлексизирующего практика, и, естественно, данная оценка максимальна у компетентного теолога.

Уныние. Состояние уныния относится к числу смертных грехов не только в православии. У католиков среди грехов указано состояние печали, а православие добавляет еще и уныние как совершенно отдельный грех. Печаль есть некое временное ощущение, связанное с каким-то неприятным происшествием. Уныние представляет собой длительное, хроническое состояние, причем зачастую не имеющее определенной причины; уныние – это именно состояние души. По мнению Церкви, уныние представляет собой грех, потому что человеку вообще, а тем более человеку верующему подобает встречать любые испытания в бодром состоянии духа, с верой, надеждой и любовью в душе. Уныние в религиозной трактовке есть разновидность неверия. Если расположить восемь смертных грехов по мере их возрастающей опасности, Церковь отводит тщеславию седьмое место, а гордости – восьмое. Уныние же занимает шестое место в списке страстей, ведущих к духовной смерти; началом его является маловерие. Считается, что если оно овладевает человеком, то в последнем постепенно угасает вера в Бога. Для христианина уныние – грех, свидетельствующий об отсутствии веры в милость Господа, который посылает трудности и страдания для того, чтобы чему-то научить человека и через испытания привести к спасению.

Такое же резко отрицательное отношение к унынию наблюдаем и в других религиозных конфессиях; и хотя буддизм и ислам не рассматривают уныние в качестве греха, отношение к подобному состоянию негативное, поскольку считается, что уныние овладевает человеком, когда значительно слабеет его вера.

Предельной степенью уныния является отчаяние, когда человек начинает чувствовать себя оказавшимся в жизненном тупике, откуда он не видит выхода. Отчаяние может быть либо ситуативным, либо всеобъемлющим. Верующий человек может испытывать отчаяние в тех случаях, когда сознает свою вину перед Богом. Отчаяние такого рода можно увидеть в плаче пророка Иеремии: *Я – человек, испытавший горе от жезла гнева Его. Он повел меня и ввел во тьму, а не в свет. Так, он обратился на меня и весь день обращает руку Свою; измождил плоть мою, сокру-*

шил кости мои; Оградил меня и обложил горечью и тяготою; посадил меня в темное место, как давно умерших; окружил меня стеною, чтобы я не вышел, отяготил окопы мои, и когда я взывал и вопиял, задерживал молитву мою; камнями преградил дороги мои, извратил стези мои. Он стал для меня как бы медведь в засаде, как бы лев в скрытном месте; извратил пути мои и растерзал меня, привел меня в ничто; натянул лук Свой и поставил меня как бы целью для стрел; послал в почки мои стрелы из колчана Своего. Я стал посмешищем для всего народа моего, вседневною песнью их. Он пресытил меня горечью, напоил меня полынью. Сокрушил камнями зубы мои, покрыл меня пеплом. И удалился мир от души моей; я забыл о благоденствии, и сказал я: погибла сила моя и надежда моя на Господа [1].

Поскольку уныние – грех, связанный с маловерием или отсутствием веры у человека, данный эмоциональный настрой чаще наблюдается у людей, чья вера также не отличается прочностью; как правило, это интуитивные и рефлексизирующие дилетанты, хотя подобное состояние может быть присуще в ряде ситуаций и человеку, стоящему на более высокой ступени религиозной коммуникативной компетенции, а следовательно, и веры.

Страх. До определенной степени страх выступает в качестве одной из первооснов религиозного мировоззрения. Первоначально это страх перед смертью, болезнями, несчастьями, которые постоянно возникали и возникают в жизни человека; затем появился страх перед некой сверхъестественной силой – Богом, и вместе с этим страхом возникла вера в Бога и в возможность небесного спасения. Все компоненты «страха» – волнение, боязнь, тревога, – безусловно, имеют место в религиозном дискурсе, но, на наш взгляд, применительно к религиозному дискурсу, можно говорить, с одной стороны, о расширении, а с другой – о некотором сужении в понимании данного феномена. Наиболее актуален для религиозного дискурса такой компонент, как *страх перед Богом, страх наказания Божия*, и в этом смысле интерпретация понятия «страх» несколько сужается, ограничивая, закрывая причину данной довольно сильной эмоции человека – страхом спровоцировать, навлечь на себя нелюбовь Господа (в результате совершения неверного поступка, греховной мысли и т.п.). С одной стороны, именно страх потерять расположение Бога, а с другой – надежда на милость Божью являются движу-

щими механизмами жизни при соблюдении и беспрекословном исполнении заповедей Бога. Подобная интерпретация страха (как первоосновы религиозного мировоззрения) характерна для христианства и ислама. В буддизме же страх оказывается несколько отодвинут на второй план, поскольку внимание верующего концентрируется не столько на наказании, ожидающем его после смерти, сколько на цепочке перерождений, в итоге позволяющей достичь высшего блаженства.

Можно привести три версии возникновения страха: а) ситуация, угнетающе действующая на человека; б) внутренние ощущения человека; в) вербальный акт угрозы извне (от другого человека). С. Кьеркегор выделяет эмоциональный «страх-боязнь» и «страх-тоску» – страх метафизический, предметом которого является «ничто» и который нередко обусловлен осознанием человеком факта своей смертности. На наш взгляд, религиозный страх, страх верующего человека будет занимать в этой классификации промежуточное положение, поскольку, с одной стороны, страх в религиозном дискурсе действительно уподоблен тоске и на данный момент для верующего никакой объективной причины страха не существует, а с другой – в сознании верующего постоянно присутствует мысль о «суде Божьем» и неизбежно приближающемся моменте «расплаты» за совершенные грехи. Следовательно, страх религиозный – это нечто среднее между боязнью и тоской в понимании С. Кьеркегора, именно их своеобразное сочетание и составляет основу религиозного страха [3].

Религиозный страх занимает промежуточное положение между биологическими и социальными страхами. Наиболее частотными составляющими концепта «страх» в религиозном сознании выступают страх наказания Божья, страх осуждения и немилости Божьей, страх возможных в будущем физических мучений (ад); страх осуждения и наказания за совершенные грехи, страх перед осуждением единоверцев, страх смерти. Интересно отметить, что вершиной концепта «страх» в религиозном дискурсе выступает «страх наказания Божья» или «страх перед возможными в будущем физическими муками». Тот или иной из вышеуказанных компонентов может занимать приоритетное положение в зависимости от степени религиозности человека. Для человека истинно верующего на первое место, естественно, выступает «страх заслуженного наказания Божья» – т. е. субъек-

тивный компонент – «боязнь не угодить кому-то, оскорбить, расстроить своим поведением». При этом страх физических мучений не исчезает (просто не может исчезнуть в силу природы человека), а притупляется, будучи «перекрыт» страхом по поводу «немилости», плохого расположения Бога к человеку. Для человека, чья вера недостаточно тверда, на первое место выходит страх перед возможными физическими муками, т. е. концепт «страх» приобретает сугубо эгоцентрическую направленность.

Эмоциональное состояние страха (причем в данном случае мы говорим о страхе, имеющем религиозные причины) превалирует у коммуникантов с недостаточно сформированной коммуникативной компетенцией – рефлексизирующего теоретика и рефлексизирующего практика. На начальной стадии вхождения в религиозный дискурс и формирования коммуникативной компетенции (интуитивный дилетант, рефлексизирующий дилетант) говорить о наличии у человека «религиозного страха» не представляется возможным, его вера (если о таковой можно говорить) неосознанна и поэтому чувство религиозного страха отсутствует (еще не сформирована религиозная основа возникновения данного чувства). Отсутствует данная эмоция, как нам представляется, и у коммуникантов, имеющих более высокий (продвинутый) уровень коммуникативной компетенции, – рефлексизирующего практика, рефлексизирующего теоретика и компетентного теолога. Причины здесь, однако, иные – вера человека настолько прочна и он настолько эмоционально ощущает защищенность и поддержку Бога, что страха просто уже нет.

Радость. Радость представляет собой довольно сильное религиозное чувство. Оно существенно отличается от той радости, которая имеет место в мирской жизни. Главное отличие кроется в том, что светская, мирская радость непродолжительна и ситуативна. Ее вызывают кратковременные положительные эмоции, возникающие у человека под воздействием внешних факторов. Радость в религиозном дискурсе имеет иную природу. Она возникает от простого соприкосновения с религиозным началом, от ощущения сопричастности Божественному. В религии радость – духовное чувство полноты бытия; так, Будда умирал с улыбкой. Призывы служить Богу с радостью содержатся как в Ветхом, так и в Новом Завете: *Да радость моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна* (Ин 15: 11),

...возрадуется сердце ваше и никто не отнимет радости вашей (Ин 16: 22).

Эмоциональное состояние радости характерно для всех стадий формирования и развития коммуникативной компетентности в религиозном дискурсе. Оно начинает формироваться еще на уровне интуитивного дилетантизма (если приход человека к Богу и вере не оказался случайным) и крепнет с переходом на каждую новую (более высокую) ступень развития коммуникативной компетенции. Безусловно, оно достигает своего высшего проявления на уровне рефлекслирующего теоретика и компетентного теолога, т.е. на высшей для религиозного дискурса ступени коммуникативной компетенции. На этом уровне понимание и ощущение радости тесно смыкается с эмоциональным состоянием счастья.

Счастье. Как правило, счастьем называют высшее состояние радости, чувство упоения от обретения предмета желания, глубокой удовлетворенности от того, что человеком достигнута определенная цель. В психологии чувство или состояние счастья не имеет однозначного и четкого определения. Все многообразие определений счастья можно свести к трем группам: а) длящееся удовольствие, наслаждение; б) полная удовлетворенность своей жизнью, делами; в) умиротворение и согласие с самим собой. Есть и еще один подход к счастью, согласно которому счастье есть причастность к чему-то высшему, ощущение и переживание полноты бытия, понимание бытия и высшего замысла, а также радость от его реализации. Перечисленные три толкования счастья легко распределяются по трем уровням устройства человеческой природы, принятым в православной традиции: телесное наслаждение, наслаждение душевное и духовное. Вторая и третья трактовки наиболее близки к раскрытию сути счастья в религии.

Евангельское понимание счастья подразумевает, прежде всего, смирение с тем, что дано человеку. Основным аргументом в пользу такого понимания счастья в христианстве является текст первой из девяти заповедей блаженств – *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*, который традиционно истолковывается в смысле возведения добродетели смирения на первое место среди всех прочих христианских добродетелей. Для человека верующего счастье возможно лишь там, где человек жертвует собой ради тех, кого он любит.

Главная суть религиозного ощущения счастья – достижение абсолютной гармонии с ми-

ром, окружающими людьми и самим собой. Счастье, обретенное на телесном уровне, как правило, кратковременно, душевное же счастье, которое дает вера, не ограничено ситуацией и близко понятию блаженства. С религиозной точки зрения, подлинное счастье заключается в том, чтобы с Божией помощью восстановить гармонию в человеке, когда главенствует дух, а душа и тело выступают помощниками.

Эмоциональное ощущение, переживание счастья в религиозной его трактовке – достижение абсолютной гармонии с миром (что является одной из первооснов любой религии) – свойственно достаточно религиозной личности с прочной верой и сложившимися религиозными взглядами. Состояние и ощущение счастья в полной мере присуще развитой в религиозном плане личности; как правило, подобные эмоциональные состояния начинают формироваться уже у рефлекслирующего практика и оказываются полностью сформированы у рефлекслирующего теоретика и компетентного теолога.

Умиротворение. Умиротворение есть состояние человека, при котором он полностью освобождается от земных забот, волнений, тягостных мыслей. С религиозной точки зрения, умиротворение – это ощущение полного покоя, достижение душевной гармонии.

В соответствии с христианским мировоззрением, чтобы полностью приобщиться к божественному и постичь небесный мир, человек должен мысленно вознестись и отрешиться от тела. Христианство рассматривает «умиротворенность» и «умиротворение» как добродетель: *Мое утешение в том, что быть благочестивым и довольным – это поистине великое приобретение* (1 Тим. 6: 6). Подобная реакция на неприятности (обстоятельства, в которых человек и проверяет свою христианскую умиротворенность) не является результатом одномоментного и разового акта. Она означает полную удовлетворенность Божьей волей, это то, чего человек не может достичь просто своими действиями. Нельзя просто стать умиротворенным, *умиротворение достигается через полное обновление нашего ума* (Рим. 12: 1–2). Умиротворение приходит к человеку постепенно, это плод обновленного, измененного образа мыслей и отношения к миру. Христианское умиротворение означает, что удовлетворение человека не зависит от обстоятельств, оно находится внутри человека. Умиротворение есть результат стремления

человека полностью принадлежать Богу и посвятить себя служению Богу. Христианство учит человека: *поставьте своей целью сделать Христа центром своих мыслей, и тогда вы научитесь наслаждаться умиротворением.*

Говоря об отношении и к трактовке состояния умиротворения в исламе, отметим, что само слово *ислам* означает «мир», «покорность», «умиротворенность», «предание себя Всевышнему». В обобщенном виде само наименование учения уже означает «душевную умиротворенность, наступающую в результате полного принятия человеком Бога, подчинения ему всей своей жизни». Говоря об умиротворении, отметим, что ислам трактует его как возвращение в естественное состояние души, возвращение к норме. В поклонении Всевышнему и исполнении всех его заповедей, согласно исламу, кроется душевное умиротворение человека. Однако поклонение – это не только обязательное исполнение религиозного ритуала, это еще и деяния человека, которыми должен остаться доволен Аллах. Именно такой подход к поклонению приносит человеку внутреннее спокойствие. Внешние обстоятельства могут меняться, но когда человек приобретет внутреннее спокойствие, оно всегда останется с ним.

В отличие от христианства и ислама, буддизм учит, что умиротворения человек может достичь, пройдя всю цепочку перерождений, достигнув нирваны и постигнув высшую истину. Буддизм относит состояние умиротворения к разряду «высших достижений человека». Общеизвестно, что, согласно учению буддизма, человек проходит целую цепочку перерождений, конечная цель которых – совершенствование, исправление и искупление ошибок, совершенных в предыдущей(их) жизни(ях). Цепочка перерождений (сансара) может быть прервана, как только человек достигнет просветления, став некой «идеальной личностью». Именно прекращение перерождений, достижение состояния покоя, слияния с Буддой выступают главной целью всех человеческих усилий. И в конце всей цепочки перерождений человек способен достичь умиротворения – состояния покоя и блаженства.

Согласно любому религиозному учению, эмоциональное состояние умиротворения достигается только при полном отрешении от тягот и забот окружающего мира. А потому подобное эмоциональное состояние свойствен-

но глубоко религиозной личности, человеку, довольно далеко продвинувшемуся вперед в вере. Такого состояния могут достичь рефлексующий теоретик и компетентный теолог; довольно близко к нему подходит также и рефлексующий практик.

По мере совершенствования коммуникативной компетенции участника религиозного дискурса – от интуитивного дилетанта (низший уровень коммуникативной компетенции) до компетентного теолога (высший уровень коммуникативной компетенции) – происходит некое «улучшение» общего эмоционального состояния личности. Если у интуитивного дилетанта и рефлексующего дилетанта это состояния страха, уныния, обиды, то у рефлексующего теоретика и компетентного теолога – это состояния любви, счастья, умиротворения. Таким образом, основные эмоциональные состояния, возникающие у участников религиозного дискурса, соответствуют определенным уровням формирования и развития коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе. Несмотря на то, что уровень коммуникативной компетенции и эмоциональный фон, эмоциональный настрой коммуникативной личности не обуславливают друг друга, их развитие и изменение идут параллельно, и представляется возможным установить ряд закономерностей в их соотношении. Каждому уровню коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе соответствует (в большей степени) определенный эмоциональный настрой коммуниканта, который, с одной стороны, определяется общей религиозной практикой и, соответственно, коммуникативной компетенцией человека, а с другой – зависит от уровня сформированности коммуникативной и общей дискурсивной компетенции личности. Кроме того, по мере продвижения вверх по шкале коммуникативной компетенции эмоциональный фон коммуниканта улучшается, меняя вектор направленности с отрицательного на положительный.

Литература

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1973.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Терра, 1998.
4. Руденский Е.В. Социальная психология : курс лекций. М. : Инфра-М, 1997.

* * *

1. Bibliya: Knigi Svyaschennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. Bryussel, 1973.
2. Karasik V.I. Yazyikovoy krug: lichnost, kontseptyi, diskurs. Volgograd : Peremena, 2002.
3. Kerkegor S. Strah i trepet. M. : Terra, 1998.
4. Rudenskiy E.V. Sotsialnaya psihologiya : kurs lektsiy. M. : Infra-M, 1997.

Emotional aspect of communicative competence in the religious discourse

There is regarded the emotionality as the essential component of the religious discourse. There are described such types of participants of the religious discourse as the intuitive dilettante, reflexive dilettante, reflexive practical man, reflexive theorist, competent theologian.

Key words: *religious discourse, communicative competence, level of communicative competence, emotion, emotional mood, emotional field.*

(Статья поступила в редакцию 29.09.2014)

Т.А. СУХОМЛИНА
(Самара)

ОСМЫСЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Описана специфика выражения будущего времени в английском языке, связанная с передачей идейно-этического содержания в художественном дискурсе. Выделены параметры и особенности будущего времени как грамматической категории, определены черты, присущие будущему времени, и функции художественного дискурса.

Ключевые слова: *художественный дискурс, будущее время, лингвистическое исследование, функции, особенности, специфические черты.*

Как известно, лингвистический анализ текста художественного произведения предполагает рассмотрение двух аспектов: изучение текста как некоторой семантико-синтаксической целостности и раскрытие специфики индивидуальных картин мира, получивших воплощение в тексте. В контексте антропоцентрического лингвистического исследо-

вания именно второй аспект анализа текста представляет, на наш взгляд, наибольший интерес.

Человеку свойственно разнообразие в осмыслении категории времени. Об этом свидетельствует существование научных исследований и трактовок времени, среди которых наиболее значительными являются труды О.И. Москальской [10], И.П. Гальперина [4], А.И. Смирницкого [11], Е.В. Тарасовой [14], В.М. Колмогорцевой [8], Н.В. Ермаковой [7], Т.А. Сухомлиной [13]. Вместе с тем для анализа текстового будущего времени перспективным представляется его описание как базового компонента англоязычной художественной картины мира. Особую актуальность исследуемая категория имеет в рамках дискурсивного анализа, поскольку именно дискурсивные параметры позволяют в полном объеме и достоверно представить английскую языковую картину мира в целом. Главная цель работы – описание специфики понятия будущего времени, которое имеет соответствующее лингвистическое выражение, связанное с передачей идейно-этического содержания в художественном дискурсе. Основными задачами являются описание функций художественного дискурса на примере категории будущего времени, определение особенностей, присущих будущему времени как грамматической категории художественного дискурса.

Будущее время, отраженное чувствами и разумом человека, находит вторичное выражение в художественном дискурсе. Вслед за О.И. Москальской мы понимаем художественный дискурс как совокупность художественных текстов, противопоставленных публицистическим текстам. Как объект исследования он обладает отличающей его от публицистического дискурса спецификой. Если двумя кардинальными функциями публицистического дискурса являются отражение говорящим реального мира и коммуникативно-целевое воздействие на читателя, то двумя кардинальными функциями художественного дискурса выступают конструирование говорящим воображаемого мира – внешнего и внутреннего, а также произведение эстетического впечатления на читающего.

Примером внешнего будущего времени, сконструированного автором в художественном дискурсе, может служить иллюстрация из пьесы Б. Шоу «Пигмалион», в которой доктор Хиггинс спорит со своим товарищем пол-